ПЬЕСА

Анастасия Фрыгина

СХЕМА УСТРОЙСТВА РУССКОЙ ПЕЧИ

Это признание в любви моей маме,
моей сестре, моей тете, моей бабушке,
и ее маме, и ее маме, и ее маме
и всему нашему женскому роду.

Действующие лица:

ЛИЗА – 16 лет
АРИНА – 42 года
НАТАША – 60 лет
ВАЛЯ – 80 лет
МИЛАНА – 20 лет
ДЕВОЧКА – 6 лет
МАМА – 38 лет
СОСЕДКА – 85 лет

КИРПИЧИ

Маленькая соломенная девочка скачет по кирпичам.

ВАЛЯ.

Моя история начинается от печки. Мою маму отогревали в ней. Заворачивали в рогожку и на длинной широкой лопате погружали в остывающее печное нутро. Мама родилась недоношенной. Весила как две буханки хлеба. Когда я засыпала на полатях, прижимаясь спиной к меловому печному боку, я представляла себя там, внутри. Маленьким комочком сажи, которую забыли выгрести и ссыпать в компостную яму. Она росла сама, у нее не было мамы, только закопченные коридоры, разводящие горячий воздух по всему большому дому и шумные железные задвижки, скрывающие окошки в мир снаружи. Обычно я засыпала, не успев отодвинуть хотя бы одну. От ощущения того, как мои черные сажистые бока терлись о такие же черные кирпичи. По утрам меня ругали за испачканную известкой спину. Бабушка оттирала ее широкой мокрой рукой. Мне было несложно представить, что у меня нет мамы, я видела ее редко. Она училась в Свердловске на педагога, работала уборщицей в детском саду и у нее не было лишних денег на поезд. Когда я была

маленькой, мама была красивой. Когда я выросла и стала на нее похожа, я себе не понравилась.

Мамина тонкая белая кожа делала из меня мертвяка. Я водила пальцем по синим сосудам и мечтала загореть. Мамин высокий лоб придавал сходство с вредной соседской козой Машкой. Крупные белые зубы блестели нераскушенной карамелькой. Но я все равно продолжала упрямо хотеть быть как мама – уехать в Свердловск, учиться на педагога, женить на себе красивого папу, которого я видела еще реже, чем маму. Я хотела полный комплект, за исключением одного компонента. Я не хотела рожать ребенка, особенно девочку. Миру точно не нужна еще одна я.

Хочешь насмешить бога – расскажи ему о своих планах. Хорошо, что мне уже тогда хватало мозгов помалкивать. С возрастом я поняла, что для качественной коммуникации можно ограничится четырьмя матерными корнями.

*** обозначает мужской половой хуй

*** обозначает женский

*** обозначает половой акт

*** и распутную женщину, но не шлюху

Из меня получился педагог, но не русского, а математики, не школьников младших классов, а студентов матфака. Вместо Свердловска получился Екатеринбург. Красивого папу женить не получилось. Зато получилась дочка, от которой было слишком поздно избавляться. Она получилась похожей на меня даже больше меня самой.

Я только представляла себя в глубинах печного нутра, она туда залезла года в три. Как бывший ребенок, я могу подтвердить, что это была лучшая партия в прятки – натуральный королевский гамбит. Как взрослая я орала. В тот день она узнала все четыре корня, изрядное количество производных и как унизительно голышом оттираться от сажи под напором ледяного садового шланга на глазах у всей деревни. Странно, что она меня за это не возненавидела. Звала меня, когда бредила от высокой температуры. Я лежала на полатях, зажатая между печкой и ее маленьким горячим телом. И жалела, что не догадалась до этого в детстве. Можно же было просто взять и залезть в печку. Пока я бродила по воображаемым коридорам, она брала и делала. Возможно, она похожа на меня не больше, чем я на свою мать.

НАТАША.

Я хорошо помню, как мама хвасталась мной соседке по коммуналке, ее сын орал дважды в день как по расписанию. Первый, когда не хотел собираться в школу, и второй, когда получал ремня за плохие оценки.

Я благодарна ему за это постоянство, он давал мне шанс избежать неприятных концертов, записаться в дежурные или задержаться в музыкалке. Если я оказывался дома невовремя, приходилось накрываться тяжелой маминой подушкой. За много лет гусиный пух потерял свою пуховость, но сохранил отличные изоляционные

свойства. Я почти не слышала сопливые завывания и особенно яркие булькающие вскрики на каждый удар тяжелого кожаного ремня.

Я была удивительным ребенком, я никогда не плакала. Мама меня за это любила, не зная, что я не специально. Мне просто не нравились слезы – это громко, грязно, мокро и очень унизительно. Насколько я любила, когда женщины в кино пели, настолько же ненавидела, когда они плакали. Я как-то даже спросила у мамы, зачем они плачут? Неужели нельзя сделать кино, где женщина не будет плакать. Мама долго смеялась, так что у нее даже выступили особые насмешливые слезы. Вытирая мокроту под глазами, бережно, чтобы не размазать тушь, она пообещала мне, что я пойму, почему женщины в кино обязательно плачут. Я выросла и не поняла.

Из неочевидных плюсов – отсутствие мимических морщин. В моем возрасте у мамы на лбу пролегли глубокие борозды, знак регулярного тревожного недовольства собой и окружающими, уголки губ занавесили складочки язвительной насмешки, глаза многократно обвели страхи и слезы. У меня точно такая же пергаментно тонкая белая кожа, да, она потеряла натяжение, но по ему лицу сложно точно угадать мой возраст. Возможно дело в том, что я почти не пользуюсь косметикой. Особенно после смерти мужа. Вот кто совсем не умел сдерживать свои эмоции, отсюда злоупотребление сигаретами и алкоголем и, как следствие, инсульт.

В молодости его страстные и красивые романтические порывы виделись мне милыми, но жизнь оказалась трудной штукой. Причем эти трудности никуда не девались с годами, только наматывались тонкой ниткой на веретено, с каждым годом прибавляя в объеме. Страсть стала ненавистью, по крайней мере он не раз говорил так в порыве ссоры. Хотя я не сказала бы, что это было такое большое чувство. Тут дело в его любви к громким словам. Царствие ему небесное.

Наша дочка унаследовала от него эту любовь, но ей всегда не хватало его уверенности в себе и точности в формулировках. Однако, ей удавалось меня задеть сильнее, чем кому бы то ни было. Не помогал даже многолетний опыт воспитательской работы. Она была очень изобретательна в своих истериках. Будь то нежелание сидеть на горшке или категоричный отказ поступить в медицинский. В попытке доказать мне, что дизайнер интерьеров – это не блажь, а настоящая профессия, она выкрасила свою комнату в могильный синий и притащила с помойки грязное кресло. Любовь к широким жестам ей также досталась от отца. А нам досталась затяжная война с постельными клопами. Мне пришлось уйти в отпуск по собственному. Сложно объяснить родителям, почему у женщины, которая подмывает их детям попы, все лицо искусано.

Я не смогла выгнать ее из квартиры, ни тогда, ни позже, когда она по глупости разошлась со своим мужем и появилась на моем пороге с двухлеткой на руках. Пока она работала, мне пришлось уйти в декрет, потому что девочке была нужна мать.

Я сказала это вслух, и мы не общались два года. Ее неприятный высокий как будто через силу сдавленный крик до сих пор звучит у меня в ушах. Застрял в барабанных перепонках, как надоедливая попсовая мелодия.

Мне неприятно, что моя мать стала свидетельницей скандала. Она наблюдала за нами, как фанат с трибуны наблюдает за хоккейным матчем. Разница в том, что она не болела ни за одну команду. Ее язвительные комментарии летели в любые ворота. Нехорошо так говорить, но иногда мне кажется, если бы она не подливала масла в огонь, я бы не пропустила целых два года из жизни моей внучки.

Моя дочь разбила стул об печку, снесла поддувало и за руку уволокла упирающуюся рыдающую малышку. Когда я думаю об этом, вспоминаю уютный затхлый запах гусиной подушки, согретой детским дыханием с привкусом зубного порошка. Хочется накрыть весь мир свалявшейся пуховой подушкой, и уснуть на теплых полатях. А потом очнуться от болезненного мутного сна, потянуться, прогоняя гриппозную ломоту в костях и ступить босыми ногами на только что вымытый скрипящий занозистый пол.

АРИНА.

Я один раз в жизни слышала, как моя мама ругается матом. Раскаленный ялтинский рынок манил меня запахом в меру подтухшей камабалы. Я тянула маму за руку в рыбные ряды, пока она нюхала влажную кинзу, а замызганная цыганка попыталась стянуть ее кошелек. Мама сказала два слова, цыганка отлетела назад, поскользнулась и уползла в густую рыночную толпу.

Когда мы карабкались вверх по горячему городу, считая ступеньки до санатория, мама объяснила мне, что это особые сильные слова. Глупые несдержанные люди рассыпают их просто так, мечут бисер в грязь, где его быстро затопчут безразличные свиньи, и слова теряют свою силу. Чем чаще ты молчишь, тем больше перед тобой открывается возможностей. Эти слова могу снимать боль, могут заставить грабителя пройти мимо, могут спасти от насилия и отбросить наглую цыганку на парящий после дождя рыночный асфальт.

Я слушала маму молча, покоренная удивительной женской мудростью, настоящей магией, которую мне передавали из рук в руки на пыльной лестнице, пахнущей кислинкой недалекой железной дороги и сладостью разлагающихся объедков, сметенных в ливневку ленивым дворником.

В первый раз я нарушила свое внутреннее обещание, когда мама не успела забрать меня из садика. Ее задержали на работе, но я этого не знала и подумала, что обо мне забыли. Мы сбились в кучку с такими же неудачниками, я не помню, кто предложил новую игру – говорить по очереди все плохие слова, которые мы знаем. Я быстро увлекалась и очень не любила проигрывать.

Я поняла это намного позже, но именно тогда я переступила внутреннюю границу. Она была прозрачной и гибкой, как стенка огромного мыльного пузыря. Когда я ее переступила, пузырь лопнул и перестал существовать. Мне показалось, что я испытала свободу, но ее запах вместо густого свежего озона, отдавал вяжущей танинной горечью потери. Я лопнула еще много таких пузырей. Когда в первый раз сбегала их дома, в первый раз посылала свою мать при чужих людях, когда пробовала сигарету из мягких мальчишечьих рук, когда целовала его в губы, когда

заливала в себя второй блейзер подряд, когда на мне рвались колготки в сетку, когда коленки больно елозили по пыльному гравию.

Я до нее не дотягивала, и до сих пор не дотягиваю, но почему-то не могу перестать пытаться. Это худшая из моих вредных привычек. Я смогла бросить сигареты, почти избавилась от алкоголя, но это сильнее меня.

Мне было важно, чтобы мама знала о каждом моем провале. С мазохистическим желанием я складывала их кирпичик к кирпичику, собирая в большую печку, в которой меня сожгут заживо как злую ведьму из детской сказки. Я думала, что никто не сможет меня спасти от собственноручно приготовленного аутодафе. Оказалось, что лекарство есть, сладко-пряный молочный запах, пушок, которые вскоре станет мягкими золотистыми локонами, маленькие пальчики, которые цепляются за тебя так, как будто от тебя зависит ее жизнь, и ты понимаешь, что так оно и есть на самом деле. Я упала в море любви, спиной назад и камнем ушла на дно, чтобы стать большим тихим и темным ласковым зверем, заплести своими щупальцами все вокруг, чтобы ни одна беда не проникла сквозь чуткую сеть.

ЛИЗА.

Есть такой термин неуязвимые дети. Когда мир сходит с ума, люди убивают друг друга, отец бьет мать, и на день рождения получаешь яблоко, но по тебе не заметно. Ты берешь соло в ансамбле, Всерос по русскому и внимание пацана, который курит настоящие сигареты, потому что вайб.

Так вот это не про меня. Мама очень сильно меня любит. Так сильно, что я до сих пор не понимаю, где заканчивается ее любовь и начинаюсь я. Сначала это было просто, я лежала ровно, пока мама разминала мне ступни и подтягивала подгузник. Пластиковая резинка с яркими динозаврами елозила по натертой коже, было неприятно, но не слишком, можно потерпеть. Позже я неподвижно сидела на скрипучей табуретке возле печки и вдумчиво сверлила глазами зарождающуюся трещину, представляя, как под поим взглядом побелка осыпается хрумкими пластинками. Хотелось шарахнуть по ней железной кружкой, но хотелось терпимо.

Мне ничего не хотелось так ярко, как мама хотела, чтобы я ела масло гхи и рукколу, проколоть мне уши и больше не видеть моего друга Мишу. Мне было несложно потерпеть. Не для нее, не для себя, ради сохранения комфортного равновесия в нашей забитой хламом трешке. Я много раз разбирала эти завалы мысленно. Пока мама расспрашивала меня о синхронном плавании, я сортировала коробки из-под конфет и подарков, складывала их одну в другую, как матрешку. Продавала на Авито лианы шарфов, снимая многолетний спазм с тревожной вешалки. И сжигала одну за другой свои старые игрушки. Пусть полежат, отдам кому-нибудь или твоим детям пригодятся. Мама смеется, а я испытываю острый концентрированный кринж. Не понимаю, как можно воспринимать себя всерьез настолько. Я относилась к себе с правильно мета-иронией. То ли я лучше всех, то ли совсем дура.

Если я совсем дура, то могу сказать глупость, в которой не уверена. Мне кажется, что папа ушел, не выдержав маминой любви. Она ревностно оберегала меня даже от него, я не помню, чтобы папа меня обнимал, не помню наших совместных игр, зато помню, как мама его отчитывала за то, что трогал меня грязными руками, за грубые слова и опасные игры, навроде пряток во дворе. Папа исчез практически незаметно, одним днем из дома пропали его вещи и его запах, мама заблокировала номер, и я до сих пор понятия не имею, как он живет дальше. Скрадывая потерю, мама старалась любит меня еще больше.

Я стремилась к разрушению, исподволь, изнутри. Обрывала ногти на ногах. Внутри все дрожало от мучительного напряжения, похожего на подступающий оргазм. Переборщила, прихрамывала, не снимая носки даже в кровати. Я совершила ошибку на пляже в Тае. Мама разглядела аккуратно опиленные остатки ногтей, слишком короткие, чтобы прикрыть воспаленные полосы живой кожи. Я даже не поморщилась, когда солоноватый океан освежил боль, но это не помогло. Мама почувствовала. Пришлось прекратить и переключиться на кусание губ. В рот мне мама пока не заглядывала.

Плотный белый кокон, обманчиво мягкий, обрастал новыми слоями бережно охраняя меня от жизни. Ложился поверх, как новая побелка поверх старой, скрадывая каверны и неровности, которые делали меня мной. Я становилась округлой, обтекаемой, удобной формой. Уютным бархатным шариком, который приятно резонирует глубоким щекочущим звуком, перекатываясь по столу. Всем было очевидно, что рано или поздно я докачусь до края, мама не успеет меня поймать и белоглиняный кокон лопнет как конкреция под молотком геолога, обнажив жаркое железистое нутро. Я не знала, но я ждала этого момента всю жизнь. Я была карликовой звездой, мой покой закономерно обернулся взрывом, способным создать новую жизнь.

ПОЛАТИ

Маленькая соломенная девочка качает ногами.

Самый конец ноября. Застывшая слякоть деревенской улицы. Увядший двор, подернутый ледком.

Арина (42) уверенным ледоколом тащит пестрый битый чемодан.

Лиза (16) тянется за ней, окидывая все вокруг взглядом скучающего подростка, который не ждет ничего хорошего.

Молчат. Выдыхают облачка пара.

АРИНА. Ничего им не говори. Бабушка еще не отошла.

ЛИЗА. Деда год назад похоронили.

АРИНА. Когда я умру, тебе хватит года?

ЛИЗА. Ладно, скажешь сама.

Арина открывает тяжелую дверь. На улицу вырывается жаркое уютное печное тепло.

НАТАША. О чем?

Наташа (60) вся как знак запрета, от позиции в проеме двери до скрещенных рук.

АРИНА. Мы к вам надолго, может быть, на всю зиму.

НАТАША. Арина, что у тебя опять?

АРИНА. Мам, можно не в сенях?

НАТАША. (*пропускает в дом*). Надо было со станции позвонить я бы дядю Гену отправила, он берет вдовое дешевле такси.

АРИНА. Мне не жалко лишние триста рублей.

НАТАША. Это не жалость, а здравый смысл.

ЛИЗА. Я и забыла, как с вами двумя здорово. А где баба Валя?

НАТАША. Лежит, открытый перелом бедра, со смещением, в ее-то возрасте.

ВАЛЯ. В моем возрасте противнее всего слушать эти охи вздохи экивоки. Иди сюда, малая. И тортик тащи, вы же купили тортик?

ЛИЗА. Был только красный бархат.

ВАЛЯ. Дрянь. Но ты все равно тащи.

НАТАША. Мама!

ВАЛЯ. Тьфу на тебя, Наташка, нельзя быть такой снобкой, в твоем-то возрасте.

Три женщины кругом, как ковеном, возле постели. Валя (80) под тяжелым пледом ковровой расцветки. Стук ложек о блюдца. Исчезающий красный бархат.

ВАЛЯ. Чего молчим как на поминках? Может коньячку или шампусика сладенького? Лизок, ты как?

НАТАША. Мама, ей шестнадцать.

ВАЛЯ. А мне тринадцать было, когда я у мамки из бокала отпивала.

НАТАША. Ты точно хочешь второй кусок?

АРИНА. Мам, не смей говорить Лизе, что она толстая.

НАТАША. Но она поправилась! Ты следишь за питанием?

ВАЛЯ. Лизок, у меня там в шифоньере за шубами ящик ламбруско. Будь хорошей внучкой.

АРИНА. Моя дочь не будет пить. Ей это не интересно.

НАТАША. Хотелось бы мне сказать также.

АРИНА. Это было до рождения Лизы, я была молодая и глупая.

НАТАША. Двадцать шесть лет – это взрослая женщина. И, знаешь, что я тебе скажу. Никто не должен видеть, как ты валяешься с бутылкой водки в каком-то клоповнике. Это позор.

ЛИЗА. Ого, мам. А я думала, ты по винишку.

АРИНА. Лиза, ты спишь на полатях.

ЛИЗА. Ну нафиг. Мне нужно личное пространство.

ВАЛЯ. Зря отказываешься, Лизок, беременным оно, тепло полезно.

НАТАША. Мама, ты о чем? Арина?

ВАЛЯ. Я тебе поражаюсь, Наташка. Зачем бы еще они сюда приперлись с чемоданами. Точно не нас навестить.

НАТАША. Мало тебе свою жизнь испортить, ты решила девочку загубить.

АРИНА. Когда она мне сообщила, было уже поздно.

ЛИЗА. Это было осознанное решение. Я бы сказала, ты бы убеждала меня его убить, я бы отказалась, ты бы орала, я бы орала, а это вредно. Для моего ребенка.

НАТАША. Вот тебе и доверительные отношения.

АРИНА. Ты тоже меня в восемнадцать родила.

НАТАША. У меня была золотая медаль, место нянечки в детсаду и законный муж.

АРИНА. Я запишу ребенка на себя, она сдаст экзамены, поступит в университет. Никто ничего не узнает. И у нее все будет, а еще будет маленькая сестренка.

ЛИЗА. Мама, нет. Я тебе его не отдам. Как тебе вообще это в голову пришло?

ВАЛЯ. Кто папаша? Прыщавый одноклассник или педофил-инфантил?

ЛИЗА. Его зовут Ваня, он из Липецка.

НАТАША. В интернете познакомились? Там куча всяких извращенцев.

ВАЛЯ. Наташ, а ты откуда знаешь?

НАТАША. Лизонька, девочка, он тебя совратил? Он тебя заставил? Скажи, и мы напишем заявление…

АРИНА. Мам, ему семнадцать. И «это» случилось в детском лагере.

ВАЛЯ. Это называется секс. Тебе хоть понравилось? Мой первый опыт был так себе.

Лиза в смущенных непонятках вроде как кивает.

НАТАША. Мама!

АРИНА. Я как знала, что нельзя доверять детей людям моложе тридцати.

НАТАША. Некоторым в сорок два мозгов не хватает.

АРИНА. Хочешь меня дурой назвать, мам, так и скажи.

ВАЛЯ. У вас любовь или пьяный перепих?

АРИНА. Лиза. На полати. Сейчас.

Лиза залезает на полати, задергивает занавеску.

НАТАША. Уличное сними.

Из-за занавески прилетают штаны и зипка. Наташа подбирает вещи со вздохом.

НАТАША. Вырастила грубиянку. Я же говорила, дети учатся только на примере своих родителей.

АРИНА. Почему же у тебя получилась я?

Наташа с Ариной расходятся в разные комнаты.

Валя ворочается на тахте. Лиза затаилась на полатях.

ВАЛЯ. Какой месяц-то хоть?

ЛИЗА. Четвертый.

ВАЛЯ. Хреново?

ЛИЗА. Очень.

ВАЛЯ. Я на четвертом блевала дальше, чем видела.

ЛИЗА. Как будто подхватила самый мерзкий на свете грипп, и он никак не закончится.

ВАЛЯ. Прижмись к печке, она лечит.

Гаснет свет. Успокаивающий печной треск. Огневое мерцание на стенах.

ЛИЗА. Пьяный перепих. Но он мне нравится. Не знаю, пока слишком маленький опыт коммуникации, чтобы понять.

ВАЛЯ. Любовь понимать не надо.

ЛИЗА. Спорное утверждение, люди часто принимают за любовь то, что ей не является, например, мама называла свои созависимые отношения с папой любовью, а теперь называет так свою гиперопеку.

ВАЛЯ. Мама не может не любить свою дочку.

ЛИЗА. Ба? А ты в этом уверена?

ВЬЮШКА И ЗАСЛОНКИ

Маленькая соломенная девочка лязгает железками.

СКРРР

Морозный прозрачный свет. Припорошенный двор. Белые найки вмерзают в глинистый снег. Топор летает вверх-вниз.

Арина рубит дрова, Лиза складывает их в поленницу.

АРИНА. Ты была такой хорошей.

ЛИЗА. Извини, что испортилась. Возможно, у меня вышел срок годности.

АРИНА. На все у тебя есть ответ. Нет бы молча послушать. Язва.

ЛИЗА. А как иначе, это нормальная защитная реакция, когда у тебя мать истеричка.

АРИНА. Надо было тебя лупить.

ЛИЗА. У тебя бы рука не поднялась, я же была такая хорошая.

АРИНА. Что с тобой случилось? Ты можешь мне все рассказать.

ЛИЗА. Сепарация, мам. Обыкновенная сепарация.

АРИНА. Вот только не надо опять из себя психолога строить, тебе всего шестнадцать.

ЛИЗА. Если бы это было возможно, ты бы не перерезала пуповину. Я бы до ходила сейчас вокруг тебя по радиусу в шестьдесят сантиметров и питалась тем, что ты одобришь и переваришь.

Топор влетает в колоду.

АРИНА. А знаешь, хорошая идея. Хочешь, сейчас попробуем?

Разматывает шарф.

АРИНА. Иди сюда, давай руку.

ЛИЗА. Мам, ты че? Это я здесь беременная, мне положено ловить неврозы.

АРИНА. Тебе повезло, шарф метр шестьдесят пять при вязке, еще растянулся. Будет тебе целый метр свободы.

ЛИЗА. Не смей меня трогать. Я сказала не смей.

Лиза выдирает топор из колоды.

ЛИЗА. Думала тебе одной можно психануть, да?

АРИНА. Успокойся, пожалуйста, это вредно для ребенка.

Лиза опускает топор. Разлетается березовое поленце.

ЛИЗА. Нет. Я тоже могу. Я же твоя дочка. Так что слушай меня. Ты притащила меня в село. Хорошо. Заставила бросить школу, хотя это был последний год, в который я могла выдохнуть перед долбанным ЕГЭ.

Щепки летят. Треск стоит.

АРИНА. Ты сама все испортила, когда забеременела. Если бы ты меня слушала была бы в своей любимой школе

ЛИЗА. И что? Беременность – это болезнь? Она заразна? Это спид? Мама, ну давай, скажи мне, что это спид?

Хдыщ. Щепка ранит Арину по касательной.

ЛИЗА. Нет беременность это просто еще одно состояние женское тела. Еще один опыт.

Хрясь. Дыщ. Хрусть. На ладони длинная царапина.

ЛИЗА. И я хочу прожить его позитивно. Насладиться им. Получить максимум удовольствия.

Дзынь. Дрецц. Арина слизывает кровь.

ЛИЗА. Но нет. Ты мне этого дать не можешь. Потому что только ты знаешь. Как правильно.

Бац. Сплевывает красноватую слюну.

ЛИЗА. Так вот. Хрен тебе.

Дыщ. Кровь не останавливается.

ЛИЗА. Я бы сейчас могла с девчонками делать кринжевый фотосет с животом. Могла бы попробовать начать встречаться с Ваней, он у меня первый, первый мальчик, который мне понравился по-настоящему, ты представляешь мам?

АРИНА. И ты сразу прыгнула к нему в койку, не думая о презервативах

ЛИЗА. Я решила заняться сексом с парнем. Мне было интересно. Я изучала свое тело. А ты сейчас меня шеймишь. Давай, еще гулящей меня назови.

АРИНА. За грубость будешь наказана, никакого телефона целый день.

Топор ныряет в колоду, разводя древесину как масло.

Арина протягивает руку в требовательном жесте.

ЛИЗА. Мне не пять лет, на меня это не действует. Что? Заберешь силой? Я буду сопротивляться. Ударишь свою беременную дочь?

АРИНА. Зачем ты делаешь мне больно, я же тебя люблю.

ЛИЗА. Я знаю, знаю, что ты так думаешь. Но это не любовь, это токсичная забота сумасшедшей гиперопекающей мамашки, у которой в жизни нет ничего кроме меня.

Хватит, мам, достаточно, я говорю слово стоп. Отвяжись от меня займись чем-то своим – начни цветы разводить, вышивать бисером, пойди на бачату, купи шоссейный велосипед, поставь себе дейтинг, затащи кого-нибудь в постель.

Арина захлебывается морозным ветром.

ЛИЗА. И, кстати, если тебе интересно, презерватив был, он просто порвался, потому что у Вани очень большой член.

АРИНА. Думаешь залетела и все можно, да? Хочешь, чтобы я с тобой обращалась как со взрослой? Отлично! Пошла отсюда!

ЛИЗА. Ты меня выгоняешь, хорошо, я еду домой.

АРИНА. Без ключей? Не думаю. Лучше к своим подружкам или еще лучше к своему Ване в Липецк, только деньги на билет сама найди, заработай, или клянчи в своем блоге, который никто не смотрит, кроме меня и бабушки. Только ты имей ввиду, что Ваня твой семнадцатилетний дебил, учитывая то, что он парень, то мозгам его

вообще двенадцать. И хрен он согласиться с тобой играть в новую серию «мама в шестнадцать»

Лиза всхлипывает. Давит на низ живота.

АРИНА. Ты от меня зависишь и будешь делать то, что тебе скажу. Поняла?

ЛИЗА. Да, мам. Мам, со мной что-то не так.

АРИНА. Что?

ЛИЗА. Как будто скрутило очень, или я не знаю, все внутри переворачивается.

АРИНА. Крови нет, проверь?

Лиза ныряет ладонью под джинсы.

ЛИЗА. Нет, вроде.

АРИНА. Дай сюда.

Арина разглядывает ее пальцы.

ЛИЗА. Уй, больно, вот опять.

Арина заголяет и щупает Лизин живот.

АРИНА. Если крови нет, значит ничего страшного. К вечеру не пройдет, поедем к врачу… Погоди, стой.

Арина улыбается.

АРИНА. Это же… это она, она толкается.

ЛИЗА. И правда. Ой, уже не так больно.

АРИНА. Я вызову врача на завтра, платного, на всякий случай.

ЛИЗА. Ты думаешь, что будет девочка?

АРИНА. Я в этом не сомневаюсь, в нашем роду всегда рождаются девочки.

СКРРРРЯЖ

У бабы Вали на коленях припорошенная мукой доска. Выкрученные артритом пальцы ловко сворачивают кругляши пельменей.

Наташа с нажимом катает тесто.

За окном радостные синицы расклевывают шмат свиного сала.

ВАЛЯ. Весело скачут птицы-синицы. Вот бы твоя свинюшка удивилась, как бы узнала, кто ее сало жрать будет?

НАТАША. Мы будем, вот ровно в этих пельменях. И не жрать, а кушать.

ВАЛЯ. Кушают только дети и милые зверюшки. Так твоя бабушка говорила, а она была учитель русского и литературы. Ей лучше знать.

НАТАША. Ты о ней обычно не говоришь. У тебя все в порядке? Давай-ка давление померяем.

ВАЛЯ. Сиди ты. Как буду помирать, тебе первой сообщу, обрадую.

НАТАША. Мама, сколько раз я тебе повторяю, не смей так говорить.

ВАЛЯ. Ну а зачем я тебе нужна? Пельмени лепить? Как будто сидела бы ты тут со мной, если бы я не сломалась как паршивая фарфоровая кукла.

НАТАША. Мне не трудно тебе помочь, и ты это знаешь, я люблю этот дом, люблю зиму, я всем довольна.

ВАЛЯ. Да ничерта ты не довольна, ты тут от Витьки прячешься, как будто он там в городе тебя с того свет достанет.

НАТАША. Уже год прошел.

ВАЛЯ. И что? Я же вижу, скучаешь, поорать не на кого?

НАТАША. У меня дорогой человек умер, не надо об этом шутить.

ВАЛЯ. А я совершенно серьезно. Ну признайся, хоть себе самой. Ты это любила, поорать как следует, влезть ему на голову и потоптаться. Доказать в очередной раз какая ты права и молодец.

НАТАША. Прямо как ты сейчас. Давай сюда, я сама вечером закончу.

ВАЛЯ. Там теста еще полкастрюли.

НАТАША. Мам, не спорь, тебе надо соблюдать режим, сейчас обед, таблетки, давление и потом дневной отдых.

ВАЛЯ. Согласная только если будет телевизор, и колбаса, и халва еще.

НАТАША. Халвы не было, только мятные пряники и никаких новостей.

ВАЛЯ. По рукам. И еще, мне прям срочно приспичило. Вот, я же говорила, не надо оно тебе, судно за мной таскать. Найми сиделку, сделай ремонт в квартире и ищи себе нового мужика или в бассейн запишись, ты баба еще не старая.

НАТАША. Мне шестьдесят один.

ВАЛЯ. А мне восемьдесят. Двадцать лет – это очень много времени. Если ты не найдешь чем заняться, то свихнешься от тоски. Другая бы спилась, но тебе моральные принципы не позволят.

НАТАША. А тебе что помешало?

ВАЛЯ. Да скучно это. Все скучно, я выбрала свихнуться от скуки. Судно неси, пока дно не прорвало.

ШЕСТОК

Маленькая соломенная девочка пляшет на краю печки.

Лиза записывает кружочки в тг канал:

ЛИЗА *(валяется на полатях).* Привет, меня зовут Лиза и это мой сельский блог. Это моя супер-нора, да-да, я сплю на печке. Те, кому не повезло родиться в деревне или завести себе родственников с доисторическим домом, могут только завидовать.

ЛИЗА *(завтракает)*. Сегодня у нас комбо-завтрак из свежих бабулиных блинчиков, спорим, ваша мама так не умеет, потому что моя не умеет. Лиза! Зато она отлично загаживает духовку, которую я потом убираю. В селухе духовки нет, поэтому… блинчики прямиком из русской печки, той самой, на которой я сплю. Безлимит подходов, пока не обожрешься до комы, плюс – варенье клубничное, варенье малиновое, варенье смородиновое, масло соленое, сметана, покупная кисленькая и жирная от коровки. Итадакемас, битчез.

ЛИЗА *(гуляет)*. Как же тут холодно, мороз почти минус сорок, сопли застывают сосульками прямо на носу. Но есть плюсы – морозная корка хрустит под валенками как лучшие чипсы, морозный песок блестит как дорогие виниры, морозный ветер лучшие румяна в моей жизни, пигментация топ, тушевать не надо, морозное белое небо висит высоко, не достанешь рукой, морозный лес нарисован в пиксельной технике, морозный воздух звенит от настоящей высокочастотной тишины, плюс вайб.

ЛИЗА *(заходит в курятник)*. Сельские лайфхаки. А вы знали, что куры в состоянии стресса быстрее несутся, будем проверять. Врубаем колонку и… Продолжение смотрите во второй части видео.

ЛИЗА *(выбегает из курятника)*. Сельские лайфхаки, вводим кур в состоянии стресса, чтобы увеличить их продуктивность и мои охваты. После недели прослушивания моей волны на максимальной громкости моей карманной колонки я могу сказать, что куры слегка облезли, вот, смотрите, да, выглядит паршиво, когда бабушка это заметит, будет минус вайб. А что по яйцам, это самое интересное… И, да, они несутся быстрее, обычно я собирала десяток каждое утро, а сегодня четырнадцать. Лайфхак рабочий.

ЛИЗА *(в полный рост перед камерой)*. Привет, мой любимый чатик, у меня тут хот новости. Я долго думала, говорить об этом или нет. И решила не ссать. Вы меня спрашивали, почему я переехала в селуху? Вот. Та дам. Да. Это моя девочка и ее уже восемь месяцев. Теперь вы знаете, почему нет обзоров луков и танцев в полный рост. И по поводу не ссать – это теперь для меня нереально. В остальном, беременность хайп. Да, блеватушки, спать тяжело, растяжки опять же, но йога для беременных и мой любимый кремушек решают. И факт того, что вот в этой печке прямо сейчас выпекается мой самый сладкий и любимый на свете пирожочек просто сносит крышу. Чмок. Всем пока. Спасибо, что выслушали. А завтра будет дроп с мега беременной фотосессии в коровнике. Прод моя любимая мыльница с Авито за шестьсот рублей.

УСТЬЕ

Маленькая соломенная девочка ныряет в черное печное нутро.

РАСТОПКА

Глубокая зимняя темнота прячется по углам от печного жара и рассыпанных по комнате свечей.

Тахта у печки. Лиза лежит на высокой подушке, тяжело дышит.

Баба Валя большим ковшом-ладошкой гладит ее по мокрому лбу.

ВАЛЯ. Лиз, ты большая молодчинка.

ЛИЗА. Да, ба, спасибо за поддержку.

Лиза дышит.

ВАЛЯ. Я серьезно, Лиз, другая бы на твоем месте истерила и плакала весь срок, а ты вон. блог ведешь, скачешь как коза, маме нервы треплешь, и как будто счастливая такая.

ЛИЗА. Я очень стараюсь, стараюсь себя как-то развлекать, подбадривать, добирать эндорфина и дофамина как могу.

ВАЛЯ. Хочешь стать психологом?

Удивленный взгляд, лисий от длинных поехавших стрелок.

ВАЛЯ. Я в твоем блоге прочитала.

ЛИЗА. Только маме не показывай, она расстроиться. Она хочет, чтобы я стала просто терапевтом. А я боюсь крови и ненавижу детей.

ВАЛЯ. Зуб даю.

Лиза дышит. Лиза стонет.

ЛИЗА. Я хочу распутать этот клубок вины и обиды, который во мне живет, а если не выйдет, то разрубить и потом связать что-то сносное из обрезков.

ВАЛЯ. В твоем возрасте я о таком даже не думала.

ЛИЗА. А о чем думала?

ВАЛЯ. О нашем баянисте, он был женат, но его усы меня завораживали. О чулках думала, буквально каждый день. Еще про танец на выпускной, о том, как в Свердловск поступить на педагога, и о том, почему мама меня не любит? Я об этом думала, но мне даже в голову не приходило, что во всем этом можно как-то разобраться.

ЛИЗА. Нам повезло, у нас есть привычка к рефлексии. Мы знаем, что наше сознание и восприятие мира – это не какая-то данность, на него можно повлиять.

ВАЛЯ. Это делают психологи? Учат учить себя самого.

ЛИЗА. Не знаю, я смотрю короткие видео и читаю хайповые книжки, в них много врут.

ВАЛЯ. Везде много врут. Я в тот день, когда на льду шлепнулась, как дура, в книжный зашла, сама не знаю, зачем. Смотрю, там стоит учебник по математики для подготовки к ЕГЭ. Вон он, на трельяже валяется.

ЛИЗА. Ты его купила. Круто. И че там?

ВАЛЯ. Вранье. Или в моем учебнике и в моей методичке курса, по которой я гоняла студентов сорок лет подряд, сплошное вранье.

ЛИЗА. Смешно. Ба, а ты знаешь, что делают люди моего возраста сегодня?

ВАЛЯ. Не верят ни в одно вранье, ни в другое?

ЛИЗА. Не, это слишком депрессивная оптика. Они верят во все вранье разом, одновременно, сохраняя понимание, что это вранье.

ВАЛЯ. У нас это называлось лицемерие.

ЛИЗА. Мы верим в него искренне и сомневаемся также искренне. Ай, ай, твою же мать! Почему так больно?

ВАЛЯ. Продолжай дышать, расслабься и станет легче.

ЛИЗА. Это вранье?

ВАЛЯ. Ясен красен, но ты попробуй в него поверить.

ЛИЗА. Спасибо, ба. Ты самая нормальная в этой семье.

СПИЧКИ

Наташа торопливо перерывает шифоньер – яркие простыни в цветочках, наволочки без пары, тряпки, тряпки, тряпки.

Костыли выстукивают по деревянному полу торжественный марш.

ВАЛЯ. Прости меня.

НАТАША. Мам, ты о чем? Где у тебя чистые простыни?

ВАЛЯ. Я же тебя, получается, не любила.

НАТАША. Эти пахнут странно, а эти? Моль проела, мам, у тебя что, моль завелась? Я же тебе покупала мешочки с лавандой.

ВАЛЯ. Наташ, ты моя дочка, а я тебя не любила.

НАТАША. Глупости, ты меня любила, ты мне это говорила даже. Я помню.

ВАЛЯ. Когда?

НАТАША. Мы с соседской девчонкой сплели тебе венок.

ВАЛЯ. В нем был репей, я решила, что ты так проказничаешь и залепила его тебе в волосы.

НАТАША. Я этого не помню. Не важно, когда я первый класс закончила. Ты говорила публичную речь.

ВАЛЯ. Я сказала, что горжусь тем, что моя дочь учится в моей родной школе. И все.

НАТАША. На моей свадьбе?

ВАЛЯ. Желала вам не спешить с детишками и побольше денег.

НАТАША. Зачем мы об этом разговариваем? Там сейчас рожает моя внучка, воды горячей нет, света нет, я даже простынь чистую найти не могу. Так зачем ты мне это говоришь сейчас?

ВАЛЯ. Потому что твоя прекрасная, умная, взрослая дочь щупает свою дочь за руку и не знает, как ее поддержать. Потому что мы ее этому не научили.

НАТАША. Говори про себя, пожалуйста. Я научила Арину всему, что надо.

ВАЛЯ. Кроме материнской любви. Ты не могла научить ее тому, о чем сама никакого понятия не имеешь.

ПОЛЕНЬЯ

АРИНА. Скорая будет через два часа. У тебя схватки только начались, дотерпишь до больницы.

ЛИЗА. Мам, я уже рожаю.

АРИНА. Я, в отличие от тебя, рожала, я знаю, как это работает. Тебе только кажется, так что, давай, ложись и попытайся уснуть, я тебя укрою.

ЛИЗА. Мам, ты же взаправду не знаешь, что я чувствую и что для меня лучше.

АРИНА. Тихо-тихо, говорить не надо, ты, главное, успокойся и дыши. Давай, как я тебя учила. Вдох. Выдох.

Немного хоровых вздохов. Длинный крик боли.

ЛИЗА. Блядь! Мам, я рожаю, я серьезно.

АРИНА. Я уже пять раз звонила, там метет, они не смогут приехать раньше. Давай, дышим вместе, я тебе помогу.

Дышат вместе. Крик боли.

АРИНА. Лизонька, моя хорошая, что мне сделать? Я не могу вот так сидеть и ждать.

ЛИЗА. Мам, ты не сможешь за меня родить, к сожалению.

АРИНА. Я рада, что у тебя сохраняется чувство юмора.

ЛИЗА. Пока да, но я чувствую, что скоро я выдавлю его вместе с последним воздухом. Мам, мне очень больно, хочется орать и посылать всех матом!

АРИНА. У дяди Гены есть машина, дорогу еще не занесло, я ее знаю, доедем даже вслепую.

НАТАША. Подними ее и раздень, я подстелю чистую простынку.

АРИНА. Мам, она не будет рожать здесь, мы едем в город.

НАТАША. Там теплая вода с хлоргексидином, подмой ее.

АРИНА. Мам, я серьезно, сходи к дяде Гене за ключами и заведи машину, справишься?

НАТАША. Арин, не дури. Мы не потащим в зимнюю ночь рожающую девочку.

АРИНА. Это не тебе решать, она моя дочка.

НАТАША. И я не дам тебе ее загубить.

ЛИЗА. Бабушка, не смей так говорить с моей мамой. Задолбала. Мам, иди за машиной.

НАТАША. Арина, стой, я хочу помочь.

ЛИЗА. Не надо, она взрослая, лучше мне помоги. Вот, давай. Дышим, вдох выдох.

НАТАША. Лизонька, я понимаю, она твоя мама, ты ей веришь, но она тоже напугана, и сама не понимает, что творит.

ЛИЗА. И знаешь, кто в этом виноват?

НАТАША. Никто, она просто такая, слишком эмоциональная.

ЛИЗА. Ты виновата. Я прямо вижу иногда, как у нее в моменты трудных выборов врубается карманная мама и тюкает ей по голове. После этого она обычно творит полную херню.

НАТАША. Я в этом не виновата, это ее решения. Я всегда советую ей, как надо, кто же виноват, что она не слушает.

ЛИЗА. Ты всегда считала ее плохой и неправильной. Я помню, как ты отчитывала ее предо мной, когда мы приехали на дачу. Мне было пять, и я отравилась зеленой черешней. Пока я сидела на горшке, ты позорила мою маму. А она стояла такая же красная, как я зеленая. И знаешь, что? Мне тогда не было за нее стыдно, я злилась на тебя.

НАТАША. Мать всегда воспитывает своего ребенка, потому что любит его. Я все делала для твоей мамы, все…

ЛИЗА. Ты ей помогаешь с позиции силы, и она это чувствует. Она хочет встать на свои ноги, она хочет себя уважать. И ей очень трудно, потому что ты ее не уважаешь.

НАТАША. Знаешь, сколько раз она ко мне приходила плакаться? И я всегда ее принимала, выслушивала, вытирала ей сопли.

ЛИЗА. В твоем понимании любовь это жалость. Но жалость – это унизительно, ты ее унижаешь своей помощью.

НАТАША. Значит вот так? Я плохая и во всем виновата. А вы на себя посмотрите…

ЛИЗА. Вся мамина биография сплошные косяки и публичные порки. Как она сбежала из садика, ее искала вся деревня и ты вела ее обкаканную по главной улице. Как ты ее за ручку таскала в пятый класс из-за прогулов, до самой парты. Как ты подарила ей на свадьбу фотоальбом с ее неудачными стрижками.

НАТАША. Откуда ты все это знаешь? Она на меня жаловалась?

ЛИЗА. Нет, никогда. Это ты сама, не помнишь? Ты рассказывала мне эти истории и получала от этого удовольствие. Потому что для тебя это способ самоутвердиться.

НАТАША. Откуда ты только понабралась всей этой чуши. Это все интернет и твоя психология.

ЛИЗА. А вот это защитная реакция. Вся твоя жизнь была построена на доминировании и контроле, а теперь ты чувствуешь, что теряешь себя. Дедушка умер, мама выросла и отодвинула тебя из своей жизни. Поэтому ты приехала сюда, к бабушке, чтобы самоутверждаться за ее счет.

НАТАША. Да как ты можешь! Я приехала ухаживать за лежачей мамой!

ЛИЗА. Не надо на меня орать. Я все еще рожаю!

Вдох-выдох-выкрик.

ЛИЗА. Я не хочу тебя обижать. Я понимаю, почему ты такая. Все дело в бабушке, тебя не любили, и ты сама не умеешь.

НАТАША. Я люблю свою дочь.

ЛИЗА. Да, но как ты это показываешь? Все мамино детство одна сплошная травма, я бы ее своему к психологу отправила, так она же не пойдет.

Распахивается дверь, запускает обрывки метели.

ЛИЗА. А она меня любит, я это чувствую, она этому научилась сама, прикинь какая она молодец.

Арина на пороге, звякает ключами.

ТОПКА

Маленькая соломенная девочка тает в языках пламени.

ЛИЗА. Я лежу в ковровом мху, на крахмаленной простыне, в окружении моего рода женского. Мои крики, мои вздохи, это их песня, это наша общая песня.

Мама-мама, ты меня рожала, ты меня качала, мама-мама, ты меня любила, мама-мама, ты меня прощала, мама-мама, ты меня учила, мама-мама, ты меня лечила, мама-мама, ты меня мучила, мама-мама, я тебя мучала, мама-мама, пуповина боль туда-сюда гоняла, стыд туда-сюда гоняла, и вину невинную безвиновную между нами двумя, виноватыми, плоховатыми, глуповатыми девочками.

Я плачу, мама, плачу потому что хочу, чтобы слезы мои смысли твои печали, чтобы твои качели беспечные раскачались, и улетели, но не на тот свет, а на этот в далеко такое дивное, что мне туда ходу нет, потому что я плохая, плохая дочь, неудачная твоя.

Я плыву в гладком озере тепла печного желтого, пышнею как хлебный мякишек, твердею как корочка, чтобы озеро это одолеть, дышу из последних сил, мышцы напрягаю, не щажу живота своего, кровью захлебываюсь, она пузырится бордовым, красится белая простыня, дыхание заканчивается, и кажется, я вот-вот умру от удушья, и уйду на самое дно, чтобы лечь там тяжелым серым камнем, отдать последнее тепло свое и охладеть, готовясь к зиме, которая будет всегда.

Вдох-выдох, вдох-выдох вдо-о-о-о-о-о-ох, выдох, вдох, вы-ы-ы-ыдох, вдох…

Я дышу снова, легко дышу, потому что не одна дышу.

Вдох.

Выдох.

Наши общие большие легкие раскрываются как крылья птицы, ни синица, ни чайка, ни горлица, ни орлица, большая теплая птица, горячая будто солнечная, но черная как сама земля. Взмахи ее крыльев гоняют воздух в моих легких.

Вдох.

Выдох.

Поднимаю бурю, раздувают пламя в очаге. Огонь вспыхивает, меня всколыхивает, бегут волны, большие полные складки содрогания.

Напрягла – расслабилась.

Напрягла – расслабилась.

Тяни – толкай.

Туда – сюда.

Вперед – назад – вперед…

По взволнованной натянутой пленке розоватой плоти гуляют волны, колебания растягивают ее до самого предела эластичности, пока не раздастся неслышный хлопок.

Ткань бытия лопается и расходится, вселенная сворачивается к самому началу, а потом радостно разбегается в разные стороны, как дети, который играют в прятки, росток прорвал землю и его не засунешь обратно в семечко, он будет тянуться и крепнуть, а наше дело ему помочь – поставить подпорку, порезать, где надо, замазать густой смоляной жижей трещину в коре.

Это не все понимают.

Здесь кроется чисто словесная ошибка, мы говорим, что р’остим детей и выходит, что ребенок в этом процессе что-то пассивное, объект, к которому прилагается сила. Но это не так. Ребенок растет сам, все что ему нужно от нас – это, помощь, поддержка и защита, а главное любовь, целое море беспричинной абсолютной безусловной любви. Сколько не лей эту живую воду на маленькую пушистую головку, ее будет мало. Мне вообще кажется, что любви не бывает достаточно, просто не может быть. Отсюда все наши боли и обиды.

Я это поняла, когда стирала еле живой рукой ошметки себя с лица совершенно живой жизни, которую сделала сама. Я не могу внятно описать, что именно я тогда почувствовала. Можно сказать, что это был приход. Мое умное тело выбросило в кровь серьезную дозу очень крепкого коктейля. Но это немножко не причем. Мне кажется, я поняла, как трудно было моей маме, и ее маме, и ее маме, список можно продолжать. Насколько велика была родившаяся в этот момент любовь, настолько мало было понимание, что с ней делать? Как? Как не повторить чужих ошибок? И как не совершить свои? Какова мера необходимого давления и степень необходимой свободы. Как взять ее, чтобы ничего не повредить, как понять, чего она хочет? Как не облажаться? Очень много вопросов и никаких ответов. Я ты можешь спросить у старших, они должны быть более мудрыми. Но нет. Они жили в другом мире и все еще продолжают жить. Нам друг друга не понять. Не получится. Не позволит окутывающая сердце обида. Она же тоже облажалась, твоя мама. Она ничем не может тебе помочь. И ты также облажаешься.

Дверца топки захлопнулась, а я осталась метаться, взбивая остывающую золу, шарахаясь от умирающих без кислорода искр, биться в горячий печной свод и такой же горячий под. Я могла бы плакать, рыдать белугой, реветь осетром, да только какой смысл. Когда ребенок плачет, он зовет на помощь. А мне некого было звать. Поэтому я прижала к себе покрепче туго спеленонную куколку моей будущей бабочки и не отпускала так долго, как только могла.

ЗОЛЬНИК

Маленькая соломенная девочка распадается на остывающую золу…

НАГАР

Качается колыбелька у печки. Арина мурлычет не то молитву, не то колыбельную, не разберешь.

Валя выгребает из печки золу.

АРИНА. Я не верю. Год прошел, а я все еще не верю, что ее нет. Откуда может быть опухоль у ребенка?

ВАЛЯ. Я не знаю, что тебе сказать, Ариш.

АРИНА. Как она могла? Как она могла бросить малышку, бросить меня? Я всю жизнь ее берегла и вот, как она мне ответила.

ВАЛЯ. Сбежала от тебя.

АРИНА. Она умерла.

ВАЛЯ. Высшая степень непослушания.

АРИНА. Я так ее люблю. Как я без нее буду?

ВАЛЯ. Не знаю, милая, я никогда не теряла кого-то, кого так сильно любила, можно сказать, я везучая.

АРИНА. Когда Милана улыбается, я каждый раз себя одергиваю, чтобы не назвать ее Лизой. У нее такой же носик и ресницы, густые, как у куклы.

ВАЛЯ. У нее глазища больше и губы, будет настоящая секс-бомба.

АРИНА. Как моя Лиза.

ВАЛЯ. Мне очень стыдно, что я ничем не могу тебе помочь. Только утешить, только послушать, обнять.

АРИНА. Это много, ба. Спасибо тебе. Я тебя люблю.

ВАЛЯ. И я тебя, внученька, и я тебя.

ЗОЛА

Наташа с Ариной аккуратно складывают детские распашонки, маленькие носочки, тоненькие кружевные чепчики, крохотные варежки. Четыре руки движутся медленно, в едином ритме, это почти церемония, почти ритуал.

НАТАША. Скоро ей и эти малы будут.

АРИНА. Оставь пока, я куплю новые и еще, я думаю, ей коляску менять.

НАТАША. Не надо.

АРИНА. Думаешь, рано еще? Лето же через два месяца?

НАТАША. Нет, Арина, я не об этом говорю. Ты должна отдать ее отцу.

АРИНА. Думаешь, я не справлюсь?

НАТАША. Нет, ты справишься, ты отличная мама, намного лучше меня.

АРИНА. Это что, похвала?

НАТАША. Нет, это признание своих ошибок. Из тебя правда получилась мама намного лучше, чем из меня. У тебя выросла очень счастливая умная не по годам дочка. Я уверена, что из нее бы получилась мама еще лучше.

АРИНА. Мы этого никогда не проверим теперь.

НАТАША. Я узнаю этот черный бездонный взгляд, каждый день видела его в зеркале последние четыре года.

АРИНА. Больше не видишь?

НАТАША. Вижу, но у этого колодца проступило донце. Ты всегда была более эмоциональной, тебе будет не так трудно, но все равно нужно время.

АРИНА. Миланка мне помогает, рядом с ней мне легче.

НАТАША. А ей? Ты слишком сильно зациклена на своей боли. И малышка это чувствует. Для нее ты мама, ей нужна твоя любовь, но вместо нее она получает боль. Ты ее кормишь своим страданием вместе с овощной пюрешкой.

АРИНА. И кому я ее должна отдать? Вчерашнему пацану, который полгода назад женился непонятно на ком? Эта чужая тетка будет воспитывать твою правнучку? Ты этого хочешь?

НАТАША. Я хочу, чтобы ей не было больно. Мне кажется, Ваня справится, он очень взрослый мальчик, прямо как твоя Лиза.

АРИНА. Мама, я не могу ее отпустить, она моя душа. Если ее у меня заберут, я закончусь.

НАТАША. Арин, тебе сорок пять, ты еще можешь родить для себя, если захочешь.

АРИНА. Мне не нужен другой ребенок, мне нужна Милана.

НАТАША. Тебе нужна Лиза, но ее нет.

Танец рук замирает. Распашонки падают на пол без разбора, сливаются в угрожающую кучу.

НАТАША. Не надо делать это сразу, сначала, просто разреши им общаться с девочкой.

АРИНА. Хорошо. Хорошо, я попробую.

НАТАША. Я люблю тебя, дочка.

АРИНА. Правда?

ДЫМООБОРОТЫ

…и горячий дым, который блуждает по дому и разносит тепло.

ВПРАВО

Над уютным деревенских кладбищем жаркое летнее марево. Парит.

Милана высокая, выше своей мамы и своей бабушки и даже выше бабы Вали, чье строгое фото, совсем не похожее на нее, смотрит с каменного постамента на процесс уборки.

Мягкие руки рвут высокую траву, выметают пыль и мелкий мусор. Милана (19) думает.

МИЛАНА. Я помню ее смутно, причем не знаю, это настоящие воспоминания или наведенные рассказами старших. Но я знаю, что она катала меня в коляске по этому самому кладбищу, сама, удивительная выносливость для восьмидесяти трех лет.

Недавно мне приснился сон. Не особо удивительный на фоне плотной слойки событий, затрагивающих всю мою жизнь целиком, но все равно странный. В этом сне я лежу на полатях, свесив голову вниз, так что комната в моей голове перевернута. За окном буйное желто-зеленое как на пленочном фильтре лето. Белый печной бок приятно холодит спину, пахнет свежими блинчиками и черной смородиной. Мне шесть лет, я это знаю точно.

На тахте у окна сидит другая девочка, моя ровесница, аккуратно расчесанная, заплетенная в тугие колоски. Она сидит, сложив руки на простом, но явно парадном платье, все знают, что детям в деревне никогда не надевают белое просто так. По всему ее виду понятно, как тяжело ей сохранять неподвижное положение. Ее зрачка озорно скачут с кружевной салфетки на трельяже, на бегущего по полу безопасного домашнего паука, потом на засаленный вымазанный в золе ухват, прислоненный к печке и сразу на меня.

Сон Миланы становится явью, она разговаривает с Девочкой.

ДЕВОЧКА. А у меня сегодня мама приедет.

МИЛАНА. Круто тебе, соскучилась?

ДЕВОЧКА. Она в Свердловске была, она там учится на педагога.

МИЛАНА. Привезет тебе подарок?

МИЛАНА. Если не забудет.

МИЛАНА. Ну, она же твоя мама, точно не забудет.

ДЕВОЧКА. Мама меня не очень любит.

МИЛАНА. Почему? Каждая мама любит своего ребенка, я уверена.

ДЕВОЧКА. Моя нет. Бабушка говорит, что это все из-за моего братика.

МИЛАНА. А что с ним? Он хулиганит?

ДЕВОЧКА. Нет, он ушел на небо. И после этого мама стала холодная как ледышка, так бабушка говорит. Но я все равно ее люблю, надеюсь, моя любовь ее когда-нибудь отогреет.

Дверь открывается, полуденное солнце слепит глаза. Девочка вскакивает с тахты.

ДЕВОЧКА. Мама! Мама, ты приехала! А я тебя ждала!

МИЛАНА. На пороге избы стою я, такая же высокая, тонкая и белокожая, на голове привычный кудрявый беспорядок, только лицо другое – как будто мертвая маска, нарисованная профессиональным ритуальным визажистом.

Я вскрикиваю и просыпаюсь рывком.

Подушка была горячей и влажной от слез. Я ночевала у родителей, поэтому на кухню кралась на цыпочках, как оказалось зря. Папа спит – из пушки не разбудишь, а мама не спала. Она со стаканом минералки листала ленту.

МАМА. Милана, ты чего не спишь?

МИЛАНА. Кошмар приснился.

МАМА. В окошко пошептала?

МИЛАНА. Да, уже, не помогло.

МАМА. Иди ко мне.

Они обнимаются и ненадолго становятся одной спаянной в целое женщиной.

МАМА. Ты можешь не ехать, если это тебя тревожит. Мы с папой все сделаем.

МИЛАНА. Нет, я же пообещала, я все сделаю, получу свою риэлторскую комиссию и куплю себе тур к дельфинам и китам.

МАМА. Красотка. Я тобой горжусь, нет, правда.

ВНИЗ

Лиза на постаменте улыбается и ни на кого не смотрит, она глядит вверх. Милана не может столкнуться с ней глазами, но может о ней думать.

МИЛАНА. А вот ее я не помню совсем. Мама. Она умерла, когда мне было полтора годика. Внезапно. Не подумайте, что я жалуюсь. У меня такая классная мама, и я ее так люблю. И не хвастаюсь, я не хвастаюсь. Мне немного стыдно, что я не могу испытать настоящую грусть или горечь потери, я узнала о ней, когда мне было пять лет. Папа был против, но мама настояла, я должна знать правду. Молодец она, моя мама. Наверное, я бы получила травму, если бы узнала позже. Плюс, исчезла необходимость придумывать искусственные объяснения для присутствия в моей жизни дополнительной пары бабушек.

Когда она умерла, ей было восемнадцать, на два года младше меня. Мы очень похожи. Баба Арина говорит, что мы на одно лицо. А я не знаю, у нее совсем другие брови, гуще и с тяжелой морщинкой между ними. Более круглые глаза с явным нависшим веком и губы с вечно приспущенными уголками, даже когда она улыбается. И грудь больше на два размера, тут я в папину породу, все плоские как доска.

Иногда я представляю, как мы с ней разговариваем, как две подружки. Валяемся на моей узкой общажной кровати, соприкасаясь плечами. Она рассказывает о своей первой влюбленности, о мальчике-айтишнике из летнего лагеря, который постоянно ерошит волосы, глупо шутит, не стесняется своего высокого смеха и грязных найков. Я рассказываю ей о своем друге Сереже, про его кошачьи глаза и нелепую привычку подворачивать джинсы. Мы смеемся и мир вокруг тает, сокращаясь до этого момента, я чувствую теплые руки на своем лице и обнимающий плотный кокон заботы погружает меня куда-то вниз, ложится в темные воды и становится колыбелью, которую качает волна. Я медленно засыпаю и всегда после этого просыпаюсь, как будто заново родилась. Тело легкое как после бани и внутри солнечная весна.

ВЛЕВО

Милана катает в руках дегтярный обмылок. Ледяная вода хлещет из колонки. Милана зачерпывает ладошкой, пьет. Ее окликает бодрая Соседка (83) в цветастом халате.

СОСЕДКА. Ты же Милана, да?

МИЛАНА. Здравствуйте, да, это я.

СОСЕДКА. Ты молодец. Мало кто за могилками ухаживает, особенно такие молодые. А правда, что вы дом продаете?

МИЛАНА. К сожалению, да. Я как раз за последними вещами приехала.

СОСЕДКА. Это жалко, конечно, но все продают. Уже почитай никого и не осталось из старых хозяев, только я. А что, как там у Наташи дела?

МИЛАНА. Ее выписывают через неделю. Мы как раз дом продаем, чтобы купить ей квартиру в Сочи. Ей полезно тепло.

СОСЕДКА. Вот это счастье привалило, будет на море рассекать на старости лет. Эх, мне бы так. Но дочка моя непутевая совсем. А Лиза молодец, такую красавицу родила, жаль ее, конечно. Как там Арина, переживает?

МИЛАНА. Ей пацаны не дают скучать, девятый класс, учатся плохо, она их гоняет.

СОСЕДКА. А муж ее что, не сбежал, как предыдущий?

МИЛАНА. Не, Олег классный. А вы случайно не знаете, у бабы Вали был брат?

СОСЕДКА. Был, вот только не помню, как назвали его. Он и года не прожил, помер, никто не понял, от чего. Ты, если хочешь, могилку его поискать, она там, где-то за тремя березами, но заросла уже, наверное, совсем.

МИЛАНА. Спасибо вам, как-нибудь в другой раз, мне еще с домом разбираться.

СОСЕДКА. Ты сильно-то не откладывай, жизнь она длинная, но смерть внезапная.

ВВЕРХ

МИЛАНА. Я расчищала старую могилу младенца с железным крестом вместо привычного надгробия. Как ни пыталась отскоблить ржавчину, имени не прочесть. Бабка его так и не вспомнила. Зато она рассказала мне как баба Валя не успела вернуться к своей маме. История обычная, пожилые люди не хотят тревожить молодежь. Чувствуя приближение смерти, они как больные кошки, забиваются в темный угол и тихо отходят в тишине.

Я слушала и мне было удивительно радостно, потому что сама баба Валя поступила по-другому, она собрала всех на новый год. Мы жгли свечи, ели оливье, чокались игристым и слушали куранты, а, когда взлетели салюты, баба Валя тихо легла на снег, лицом в небо, да так и уснула с открытыми глазами.

Если бы я могла выбирать свою смерть, я бы хотела так же.

ДЫМОХОД

Маленькая соломенная девочка вылетает в трубу.

Милана гуляет по деревенскому дому.

МИЛАНА. Все почти так как я помню, только большая комната полностью голая без мебели. Из маленьких тоже все вынесли, остались только ковры и занавески. Все это текстильное богатство должно поместиться в мою маленькую машинку. Я еле отбила у бабушки права на будущую ресайкл коллекцию, которая станет моим дипломом.

В обновленной пустоте комнаты печка прибавляет в объеме, как женщина, которая счастливо вышла замуж. Ее уютная массивность заполняет собой всю комнату, кажется, что вся изба стоится вокруг нее, как деревня вокруг церкви, как земля вокруг оси и солнечная система вокруг солнца, как дитя вокруг матери.

Я не могу закрыть дверь и уехать, не прикоснувшись к ее трещиноватому известковому боку. Я веду ладонями, ощущая каждую щель и неровность, побелка быстро делает мои руки белыми, как будто я только что месила тесто, я сжимаю и разжимаю пальцы, они все еще чувствуют привычную упругость, кисти рук гудят от напряжения. Ноги тоже наливаются тяжестью, превращаются в два чугунных столба, которые целый день держали на ногах мое тяжелое тело. На лбу проступает испарина, жар долгой дневной работы под летним солнцем. Я сажусь на пол, прислоняются спиной к печи, и она обнимает меня обещанной прохладой. Изба под моим взглядом раскалывается в калейдоскопе, я вижу девочку, болтающую ногами, девушку, качающую пустую колыбель, взлетающую женскую руку с тяжелым ремнем, смех с запахом пельменей, испачканные в земле босые ноги, я вижу женские лица всех возрастов в полной гамме эмоций, их оттенков и смесей. Я проваливаюсь во фрактальную бесконечность любящих женщин, которые очень старались, и становлюсь одной из них.

Июль, 2025